

СБОРНИКЪ ПАМЯТИКОВЪ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

**Издаваемый техниками строительного отделения Волынского
губернского Управления.**

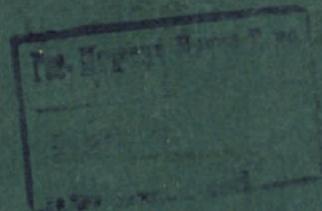
ВЕПУСКЪ I.

ЖИТОМИРЪ

ВЪ ТИПОЛИТОГРАФІА ШАДОВА.

1868

Дозволено цензурою Кіевъ 1868 года, Марта 17 дн.

МУЗЕЙ П. И. ШУКИНА

МУЗЕЙ П. И. ШУКИНА

460399 ✓

В В Е Д Е Н И Е

Кто хотя одинъ разъ проѣхалъ по Волынской губерніи, тому трудно и почти невозможно представить себѣ, чтобы для кого нибудь могъ возникнуть вопросъ: что это за страна: Русь или Польша? Здѣсь, на каждомъ шагу исторія начертала многочисленными памятниками, хотя частію полуразрушенными, что это Русь—коренная Русь; а между тѣмъ, не только за границею, но, что истинно грустно, есть много и русскихъ, которые колыбель своей народности и вѣры считаютъ Польшею. А потому, чтобы наглядно и осозательно доказать, что этотъ край есть и былъ русскій, предпринято издать рисунки какъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ, такъ и мѣстностей, напоминающихъ события изъ нашей исторіи. Вотъ главная задача; текстъ будетъ служить только поясненіемъ рисунка.

Въ лѣтописяхъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи упоминается почти о всѣхъ волынскихъ памятникахъ, и судьбу ихъ по лѣтописямъ можно прослѣдить до половины 14 столѣтія. За тѣмъ сѣверная лѣтопись наши о Волыни молчать, южная же истреблены невѣждами, а еще болѣе руками католиковъ.

Наконецъ, при обращеніи униатовъ въ православіе многія древнія иконы и церковная утварь были захищены, а самыя зданія злонамѣренно уродовались. Такъ напримѣръ: въ с. Зимномъ возлѣ Владимира сохранилась церковь отъ временъ св. Владимира, на которой Луцкій католіческій епископъ Заленскій, велѣлъ сломать 3 главы; но впрочемъ исторія систематического истребленія православія и его памятниковъ въ этомъ краѣ, болѣе или менѣе известна всякому. Даже въ настоящее время, до прїзыва г. генераль-губернатора Александра Павловича Безака, не только не заботились о сохраненіи памятниковъ, но, какъ бы умышленно уничтожали ихъ, напр. православная церковь Луцкаго братства продана жидамъ на сломъ, частію уже разрушена, и только, благодаря вниманію начальника края, сохранено зданіе это отъ окончательного разрушенія; во Владимірѣ, знаменитый въ славянскомъ мірѣ храмъ Мстислава Изъяславича обращенъ не толь-

ко въ кладовую, но даже тамъ былъ хлѣбъ какъ-бы въ поруганіе похороненныхъ тамъ многихъ удѣльныхъ русскихъ князей и митрополитовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, мы сѣмѣемъ надѣяться, что изданіемъ этихъ памятниковъ принесемъ свою лепту на алтарь роднаго русскаго дѣла. Издание наше будетъ выходить выпусками, заключающими въ себѣ не менѣе четырехъ рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ.

Бывшій начальникъ губерніи, Свиты Его Величества генералъ маіоръ Михаилъ Ивановичъ Чертовъ разрѣшилъ намъ приступить къ этому изданію; затѣмъ испросивъ благословеніе архіепископа Антонія на это дѣло, а также и распоряженія съ его стороны, относительно сообщенія намъ необходимыхъ для сего свѣдѣній духовными лицами губерніи и сверхъ того, особымъ объявленіемъ при мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, мы просили всѣхъ, кому дорого Русское дѣло въ этомъ краѣ, помочь намъ сообщеніемъ данныхъ, касающихся этого предмета и приступили къ приготовленію первого выпуска сборника предполагаемаго изданія. Такимъ образомъ, расчитывая въ началѣ этого дѣла на помощь и пособіе многихъ лицъ, въ настоящее время, мы съ горестью должны сознаться, что решительно ни откуда не встрѣчаемъ поддержки, не только дѣломъ, но даже словомъ, и такія лица на помощь которыхъ мы въ особенности расчитывали, менѣе всего оказали намъ участія.

Однако жъ, не смотря на всеобщее къ намъ равнодушіе въ этомъ дѣлѣ, мы не оставили его; въ настоящее время, имѣемъ уже до 60 фотографическихъ рисунковъ, приготовленныхъ для литографированія и изъ нихъ 9 отлитограfiрованныхъ.

Издание древнихъ памятниковъ Русской народности и православія въ Волынской губерніи, мы начинаемъ съ г. Острога, потому именно, что въ немъ долѣе прочихъ городовъ на Волыни сохранилось православіе, (почти до половины XVII столѣтія), личными достоинствами князей Острожскихъ, твердо отстаивавшихъ свою родовую вѣру

до тѣхъ поръ, пока второй сынъ знаменитаго ревнителя греко-российской церкви, князя Константина-Басилія II Константиновича, Иоаннъ, посланный родителемъ своимъ въ Вѣну для изученія, при дворѣ Австрійскаго Императора Максимилиана II, ратнаго дѣла, быть совращенъ въ католичество ухищреніями іезуитовъ и вліяніемъ своей жены Матильды Сангушко и названъ католическимъ именемъ Янушъ.

Янушъ, доведенный до фанатизма Іезуитами, не внималъ по возвращеніи своемъ изъ Вѣны никакимъ внушеніямъ отца, такъ, что послѣдній, раздраженный сопротивленіемъ сына, обнажилъ мечъ чтобы умертвить его, тогда Янушъ, упавъ предъ нимъ на колѣна, воскликнулъ: „Отець! не оскверняй своего благороднаго меча, если хочешь казнить меня, возьми мой“ (О чёмъ впрочемъ упоминаютъ только польскія хроники).

ГОРОДЪ ОСТРОГЪ.

Когда именно основанъ Острогъ, лѣтописи опредѣльно не говорятъ; известно только и то неположительно, что одинъ изъ сыновей Даниила короля Галицкаго, долго оспарившаго верховное господство Казиміра-Великаго, короля Польскаго, надъ юго-западнымъ краемъ, именно Романъ, получившій себѣ въ удѣлъ г. Острогъ, началъ первый именоваться княземъ Острожскимъ; это было въ концѣ XIII вѣка, следовательно основаніе города было гораздо раньше.

Вѣрныя историческія данныя относительно города, а также и князей Острожскихъ, начинаются съ первой половины XV столѣтія, со временъ князя Феодора Даниловича,* правнука князя Василія, брата Даниила, короля Галицкаго. Этотъ великий ревнитель православія причисленъ русской церковью къ лицу святыхъ и почиваетъ въ Киево-Печерской Лаврѣ въ дальнихъ Феодосіевыхъ пещерахъ.** Онъ

первый началъ укрѣплять Острогъ. Въ началѣ XV вѣка Великое Княжество Литовское находилось въ упорной борьбѣ съ Польшею. Витовтъ, двоюродный братъ Польскаго Короля, Владислава-Ягайлы, бывшій тогда Великимъ княземъ Литовскимъ, старался утвердить самостоятельность своего государства. Опасаясь, что митрополиты всей Руси, жившіе со временемъ св. Петра, постоянно въ Москвѣ, могли своимъ влияніемъ питать между Литовско-Русскими и Московскими землями, духъ братства, опасный для литовского правленія, Витовтъ спѣшилъ установить для своихъ земель отдельную отъ Москвы Митрополію. Но еще болѣе старался онъ прервать всякую политическую связь Литовского княжества съ короною польскою.

Поддерживаемый Цесаремъ Сигизмундомъ, Витовтъ хотелъ довершить разрывъ Литовского княжества съ Польшею, торжественнымъ своимъ коронованіемъ и принятиемъ королевскаго титула; но смерть помѣшила ему достигнуть цѣли.***

Мѣсто Витовта занялъ Свидригайлъ, родной братъ Ягайлы, вручившаго ему управление Литовскимъ Княжествомъ. Свидригайлъ дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника, враждовалъ съ королемъ Ягайломъ; въ этой борьбѣ его съ Польшею особенно прославился князь Феодоръ Васильевичъ Острожский. Свидригайлъ, имѣвшій частыя сношенія съ жителями Волыни, задержанъ и заключенъ былъ въ Кременецкій замокъ, который находился подъ охраною Польского войска (1418). Но преданные волынѣне помогли ему, освободиться изъ заключенія: Князь Феодоръ напалъ на кременецкую стражу, перерѣзалъ ее и освободилъ Свидригайла.

Усиливъ свои дружины наемными волохами и татарами, Феодоръ мужественно дѣйствовалъ противъ Сигизмунда Кейстутовича, котораго Польша противопоста-

** Въ виду этой цѣли онъ назначилъ сѣздъ въ г. Луцкъ, на который прибыли Императоръ, великий князь московский, Митрополитъ Фотій, Ягайло съ семействомъ и множество иностраннѣхъ владѣтелей и почетныхъ лицъ. Но Ягайло, подстрекаемый поляками воспротивился этому намѣренію и внезапно выѣхалъ изъ Луцка. Раздраженный этимъ поступкомъ Витовтъ и вслѣдствіе обѣщанія Сигизмунда выслать ему корону и грамоту на королевское достоинство, самовольно назначилъ день своей коронаціи въ Вильнѣ 16 Сентября 1430 г.; куда прибыли: великий князь Московский, Князь Тверской, Одоевскіе и множество другихъ князей русскихъ и татарскихъ, а также магистръ прусскій; но поляки несогласившіеся на коронацію, рѣшились приѣхать къ насилію: познанскій подкоморій Чариковскій перехватилъ на дорогѣ корону и грамоту огорченный этимъ Витовтъ впалъ въ тяжкую болѣзнь и умеръ 27 Октября въ Трокахъ.

* По Домбровскому, Максимовичъ въ письмахъ о князьяхъ Острожскихъ говоритъ, что господствующее мнѣніе о происхожденіи князей Острожскихъ отъ Галицкихъ неосновательно и невѣрно, также какъ и старопольское мнѣніе о происхожденіи самого Романа Галицкаго отъ Давида Игоревича, хотя это мнѣніе въ ходу у лѣтописцевъ. Такъ и въ старомъ южно-Русскомъ лѣтописцѣ, въ имени Давида Игоревича, означено: «предокъ княжать Острожскихъ» чтобы выбраться изъ этой генеалогической дебри на прямой путь исторіческій, я обратился къ старымъ памятникамъ кievскихъ церквей, где записанъ «родъ князя Константина Ивановича Острожского» вскорѣ послѣ его погребенія въ Печерской церкви, т. е. еще въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка. Тамъ имена предковъ его поминаются въ такомъ порядкѣ:

1. Князя Георгія, 2. князя Дмитрія, 3. князя Даниила, 4. князя Феодора въ иноніяхъ Феодосія и т. д. Несомнѣнно, что эти имена были написаны для церковнаго поминовенія, еще самимъ княземъ Константиномъ, правнукомъ Феодора; а потому это родоначальники князей Острожскихъ должно признать за достовѣрное и нерушимое.

Соответствіенный рядъ княгинь представляетъ слѣдующіе имена: 1. княгиня Варвара. 2. княгиня Инокіна Елісавета, 3. княгиня Василиса, 4. княгиня Агафія въ иноніяхъ Агрипіна и т. д.

Ботъ первые четыре степени родства князя Константина. Оно начинается прадѣдомъ его прадѣда Феодора, княземъ Георгіемъ и его княгинею Варварою. Кто же были эти родоначальники князей Острожскихъ? «Благоіѣрній князь Турковскій». Такъ написано въ ихъ именамъ въ памятникѣ Дубенской церкви.

** Въ жизнеописаніяхъ св. Отцѣвъ дальней или Феодосіевской пещеры составленныхъ въ XVII вѣкѣ, объ этомъ князѣ говорится слѣдующее: Преподобный Феодоръ Даниловичъ, князь Острожскій «оставивъ прелестъ міра сего и княжескую славу, взялъ на себя иночество святое и такъ подвизался крѣпко о спасеніи своеемъ, угождающи Богу, ажъ до смерти душу свою упрашающи, Господеви въ руцѣ отдалъ, и тѣло его здѣ положенное опочиваетъ.»

Максимовичъ говоритъ, что слѣдуя примеру Феодора жена его, княгиня Агафія, принялъ также иночество подъ именемъ Агрипіны и меньшій братъ его умеръ иноніемъ подъ именемъ Александра. Имъ же (Феодоромъ) въ Острогѣ выстроена каменная Пречистенская Церковь, которая въ XVI столѣтіи обращена въ костелъ.

вила Свидригайлу. Въ 1432 году онъ овладѣлъ замкомъ Смотричемъ въ Подольи и подчинилъ Свидригайловой власти Луцкъ, главный изъ городовъ волынскихъ, укрѣпленный двумя каменными замками^(*) и значительнымъ гарнизономъ польскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ поразилъ онъ на голову и взялъ въ плѣнъ бучацкаго старосту Каменецкаго и опустошилъ окрестности Бреста-Литовскаго.

Окончательно Острогъ былъ укрѣпленъ сыномъ Феодора Даниловича, княземъ Василіемъ III Феодоровичемъ, который у современниковъ назывался Василіемъ Краснымъ, въ началѣ XV вѣка. Князь этотъ, кромѣ Заславля и Дубно, обвелъ и Острогъ каменными стѣнами для отраженія частыхъ нападеній крымцевъ на Волынское княжество. Князь Василій скончался около половины XV вѣка.

По смерти Василія, обширное Острожское княжество раздѣлилось между его сыновьями. Младшимъ изъ нихъ, Юріемъ, началась линія князей Заславльскихъ или Жеславскихъ; а старшимъ, Иваномъ, продолжался родъ князей собственно Острожскихъ.

Иванъ Васильевичъ Острожскій съ стольнимъ городомъ предковъ, наслѣдовавъ мужество своего дѣда и безпредѣльное благочестіе отца. Первое выказалъ онъ блестательными побѣдами надъ крымцами у Теребовля, на берегахъ Случи и въ походахъ Короля Казимира подъ литовскими знаменами; послѣднее обнаружилъ строеніемъ и украшеніемъ Божіихъ Храмовъ. Церковь св. Троицы, воздвигнутая имъ въ Межиричи, великолѣпіемъ равнялась Острожскому Храму Богоявленія, созданному имъ же.^{**}

Отъ брака съ княжною Глинскою, (по мнѣнію нѣкоторыхъ, сестрою литовскаго выходца Михаила), Иванъ Острожскій имѣлъ двухъ сыновей: Константина и Михаила. Послѣдній умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, а Константинъ былъ долго украшеніемъ своего рода. Въ 1498 году онъ былъ уже гетманомъ литовскій.

Еще со временъ Ольгерда, Великие князья Литовскіе враждовали московскимъ государямъ, и, стремясь удержать за собою Западно-Русскія земли, противоборствовали развитію единовластія въ родѣ Юанна Московскаго. Уже одно название великаго князя всѣя Руси, усвоенное Юанномъ Калитою и его преемниками, заставляло князей Литовскихъ опасаться за русскія земли, вошедшія въ составъ ихъ державы. Потому борьба между потомками Калиты и великими князьями Литовскими, была неизбѣжна и должна была со временемъ вызвать вражду и между землями имъ подвластными. Эта вражда продолжалась и еще съ большою силою, когда Польша на-

чала избирать себѣ королей изъ потомства Гедимина. Въ однѣ изъ походовъ Юанна III, противъ короля Александра, князь Константинъ Ивановичъ, послѣ пораженія литовскихъ полковъ на берегахъ Ведроши, (1500 г.) отведенъ былъ пѣднникомъ въ Москву, и, тамъ послѣ долгаго заключенія, принужденъ быть присягнутъ на подданство Юанну. Однако при новомъ Царѣ Василіѣ III, онъ ушелъ въ Литву и опять участвовалъ въ польской войнѣ противъ Москвы - подъ Оршею, Опочкою, Пековомъ и Смоленскомъ; но имя доблестнаго и счастливаго вождя Константина, стяжалъ себѣ походами на крымскихъ хищниковъ, противъ которыхъ испыталъ только одинъ разъ неудачу въ битвѣ подъ Соколемъ; во всѣхъ же другихъ сраженіяхъ съ татарами онъ торжествовалъ постоянно. Современные писатели оставили преданіе о 33-хъ, а иные даже о 63 его побѣдахъ. Сигизмундъ I-й, дважды удостоилъ его торжественнаго вѣзда въ Вильну и Краковъ, и почтилъ его званіемъ кастеляна виленскаго, несмотря на зависть и ропотъ польскихъ магнатовъ, которые съ неудовольствіемъ видѣли расположение короля къ схизматику, какъ они называли, Константина Острожскаго.

Но если Константина, мужествомъ и знаніемъ ратнаго дѣла, стяжалъ себѣ отъ современниковъ имя русскаго Сципиона и литовскаго Аннибала, то еще болѣе прославился онъ своимъ примѣрнымъ благочестіемъ. Князь Курбскій именуетъ его „свѣтлымъ въ правовѣрныхъ догматѣхъ и во всякомъ благочестіи сіяющимъ,“ а папскій легатъ Пизонъ, въ посланіи къ римскому первосвященнику, говорить, “что князь Константинъ Острожскій, такъ приверженъ къ греческой церкви и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отстуپаетъ; что будучи дома благочестивымъ Нумою, онъ въ бою воинственіе Ромула и что при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ, въ немъ одинъ только тотъ недостатокъ, что онъ схизматикъ. Если бы мнѣ (продолжаетъ Пизонъ) удалось сего князя привести на лоно Святой матери-Церкви, то примѣръ его увлекъ бы множество народа: такъ велико его влияніе на соотечественниковъ;“ но покушенія усерднаго легата остались безъ успѣха.

Между тѣмъ Константинъ основавъ (около 1519 г.) храмъ Св. Троицы и Николаевскую Церковь въ Вильнѣ и потомъ кафедральную митрополичью Церковь въ Новгородѣ Литовскомъ, построилъ много церквей и монастырей въ земляхъ своего наследственного княжества, гдѣ имъ заведены были и училища для образования юношества. Но особенно заботился онъ о киевскомъ пещерскомъ храмѣ Пресвятой Богородицы, въ которомъ предалъ погребенію

* Замки эти и по настоящее время уцѣлѣли.

** Если и былъ имъ построенъ храмъ Богоявленія въ Межиричи, то вероятно деревянны.

останки своего отца и былъ погребенъ самъ 1533 г.* Вотъ что говорить іезуитъ Нѣсецкій о гетманѣ Константинѣ, въ своей Коронѣ Польской: „онъ былъ ростомъ малъ, но душою великъ, для всѣхъ доступенъ, щедръ къ сподвижникамъ, милосердъ къ подданнымъ и опытнѣй всѣхъ въ ремеслѣ военному.“

По смерти сего знаменитаго гетмана, сыновья его, Илія и Константинъ-Василій, раздѣлили между собою княжество Острожское. Илія Константиновичъ сдѣлался владельцемъ Острога и подавалъ о себѣ большія надежды, но только шестью годами пережилъ своего отца. Онъ же былъ старостой брацлавскимъ и винницкимъ; а малолѣтній князичъ Константинъ-Василій, оставался при своей вдовствующей матери, Александрѣ Семеновной, дочери князя Слуцкаго, получившей себѣ въ вѣно отъ покойнаго мужа городъ Туровъ. Въ этой прародинѣ Князей Острожскихъ и выросталъ будущій послѣдній представитель ихъ славы и доблести.

Междѣ тѣмъ Илія Константиновичъ, въ 1539 году, вступилъ въ бракъ съ Беатою Костелецкою, дочерью бывшей Королевской наложницы Катерины, воспитанною при дворѣ корыстолюбивой и безнравственной королевы Бони. Года черезъ три послѣ того, умеръ князь Илія, поручивъ опеку короля Сигизмунда — Августа, свою малолѣтнюю, единственную дочь, Елизавету или Ельжбету, извѣстную по своей злополучной трагической судьбѣ... И кто же въ ней виновиѣ? — своюнравная ли Beata, которой хотѣлось подольше владѣть огромнымъ наслѣдствомъ своей дочери? — или же король Сигизмундъ Августъ, такъ немилостиво осудившій на изгнаніе Дмитрия Сангушка, придерживаясь гнуснаго обвиненія, сочиненнаго на заказъ Станиславомъ Чариковскимъ? — Нашелся и другой угодникъ, Мартинъ Зборовскій, который настигъ убѣжавшую чету, уже не въ своей а въ чешской землѣ, въ Яромирѣ и не задумался умертвить Сангушка (1554) и вмѣсть съ его головою, доставить алчной Beata ея овдовѣвшую дочь... И для чего же? Чтобы августійшій опекунъ выдалъ ее насильно за любимѣшаго имъ Гурку, несмотря и на отчаянное сопротивленіе ея матери... Бѣдная Елизавета! Не доставши любившему ее князю Семену Слуцкому, оставшись вдовою и послѣ немилаго Лукаша Гурки, она явилась уже безумною къ своему дядѣ въ Острогъ, гдѣ и скончалась: а выжитая отсюда Beata, благоденствовала еще на Волыни въ М. Янушполѣ, пока не женился на ней (послѣ 1563 г.) Сѣрадскій воевода Альбрехтъ Ласкій, ко-

торый немогши съ нею ужиться, заточилъ ее на вѣки въ свое мѣсто венгерскомъ замкѣ Кезмаркѣ.

Ровно чрезъ 10-ть лѣтъ послѣ того какъ произошло во Львовѣ насильственное взятіе оттуда Елизаветы для Гурки, — Сигизмундъ Августъ разыгралъ въ Люблинѣ другую драму, болѣе важную: онъ разбилъ свое Литовское Государство на составные части и каждую порознь присоединилъ къ Королевству Польскому, и, нашъ древній первопрестольный Киевъ, со всемъ Южною и сѣверо-западною Русью, сталъ достояніемъ польской короны.

Константинъ Василій, пожалованный отъ короля званіемъ маршалка волынскаго, старости владимірскаго и (около 1557 г.) званіемъ кіевскаго воеводы, былъ самымъ твердымъ оплотомъ Волыни, Подолья и Кіевской земли противу татаръ. Крымцы испытали тѣжесть его руки у Сепиавы, подъ Заславлемъ, Дубно и (въ 1578 г.) подъ Острогомъ, гдѣ они окружили его, въ то самое время, какъ онъ веселымъ пиромъ праздновалъ бракъ старшей дочери своей съ крачимъ великаго княжества Литовскаго, Кипкою.

Подъ знаменами короля Баторія, Константинъ-Василій, воевалъ и противъ Москвы: подъ Соколомъ, Черниговомъ, Стародубомъ и другими городами земли Сѣверской; но внутренній союзъ Православія и Русскаго рода не прерывался между нимъ и Царемъ Московскімъ: Грозный, враждуя съ Баторіемъ и Воеводою Кіевскимъ, въ тоже время благотворилъ печерской лаврѣ и переслалъ полный списокъ Ветхаго и Нового завѣта Острожскому Князю, заботившемуся о напечатаніи полной Бібліи на языке славянскомъ.

Хотя Константинъ-Василій, вмѣсть съ Волынскимъ воеводою княземъ Александромъ Черторійскимъ и другими сановниками Литовскаго княжества, и подписалъ составленный на Люблинскомъ Сеймѣ актъ присоединенія великаго княжества къ польской коронѣ, но введеніе унії встрѣтило въ воеводѣ кіевскомъ сильнаго и рѣшительнаго противника.

Явясь на Брестскій Соборъ, въ 1596 году, Константинъ-Василій торжественно защищалъ догматы Православія противъ отступниковъ, митрополита Рогозы и епископовъ Поща и Терѣцкаго, которые, по личнымъ выгодамъ и въ угоду Сигизмунду III, замыслили соединиться съ римскою церковію. Голосъ благочестиваго князя изъ рода св. Владимира, былъ опасенъ для Рогозы и его сообщниковъ; не менѣе опасенъ онъ былъ и для расчетовъ Сигизмунда, ревностно обращавшаго всѣхъ въ католицизмъ; но этому король приказалъ князю Острожскому выѣхать изъ Бреста. Воевода кіевскій повиновался, но презрѣніемъ отвѣчалъ на всѣ убѣжденія лукаваго Поща и его соумышленниковъ и остался непримиримымъ врагомъ унії.

* Надгробная статуя представляетъ возлежащаго рыцара; прежняя надпись бывшая до пожара въ 1718 году, состояла въ слѣдующемъ: «Константинъ Ивановичъ Острожскій, воевода Троцкій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, по многихъ побѣдахъ отъ смерти полагши здѣ погребенъ лѣта отъ Р.Х. 1533, имѣлъ лѣтъ 70, одержа побѣду 63.

Огъ ста́риныхъ укреплений вънастоящее время остались въ Острогѣ только три башни, одна, на такъ называемой „Замковой горѣ“ (видъ которой прилагается) и двѣ въ самомъ городѣ; мѣстами—земляной валъ, остатки фундамента стѣнъ и глубокій ровъ, когда то наполненный водою, около крѣпости.

Лѣтъ пятьнадцать тому назадъ, между Замковой башней, и церковью Богоявленія, существовали остатки такъ же крѣпостной стѣны и воротъ, но онѣ подарены князьемъ Яблоновскимъ какому то городничему, которымъ и свезены.

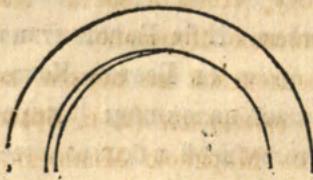
Кромѣ этого, въ Острогѣ остались еще княжескій замокъ съ пристроенными къ нему, въ разное время контрафорсами, изъ которыхъ одни возвышаются, съ одной стороны въ три яруса, а съ другой въ четыре; въ немъ

въ настоящее время, помѣщается уѣздный судъ (смотрѣ рисунки: Общий видъ г. Острога и Развалины храма Богоявленія, называвшагося прежде замковымъ храмомъ, настоящее изображеніе котораго при семъ прилагается).

Хотя постройку этого храма польскіе хроники: Нѣсецкій, Стебельскій и Хмелевскій, а за нимъ и наши историки Домбровскій и Максимовичъ, относятъ къ 1-й половинѣ XV столѣтія, къ княженію Василія Феодоровича; но по четыремъ надписямъ, открытымъ и прочтенымъ въ Мартѣ прошлаго 1866 года, (которыя были запутаны), вырезаннымъ на камняхъ надъ амбразурами оконъ съверной стороны на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, видно, что основаніе этой церкви слѣдуетъ отнести только къ 1521 году*, т. е къ послѣднимъ годамъ**.

* НАДПИСИ ЭТИ СЛЕДУЮЩИЯ.

1.

2.

IHSU. NI. OPERIS:D
AÑO DOMI. I FZI: D.

3

БЪ ЗѢ КӨ

4.

AÑO DOMI. I FZI:

** Надъ окномъ съ лѣвой стороны на наружной сторонѣ; а еще въ 1822 году и греческая надпись, которой пѣть и слѣда.

еніженія Константина Ивановича. Церковь Богоявленія замѣтльна во многихъ отношеніяхъ и, какъ зданіе: по прочности, грандіозности и по особенностямъ постройки и потому еще, что она одна изъ немногихъ на Волынѣ, никогда не переходила въ руки ни уніатовъ, ни католиковъ(*), несмотря на всѣ старанія іезуитовъ при дочери князя Александра Константиновича, Аннѣ-Алоизіи, принявшей такъ же католичество. Въ этомъ храмѣ былъ протоіереемъ Демьянъ старшій братъ знаменитаго малороссійскаго гетмана Северина Наливайки, сожженнаго въ 1597 году, въ Варшавѣ, въ мѣдномъ быкѣ. Еще задолго до этой попытки іезуитовъ, маститый проповѣдникъ слова Божіяго (какъ говорить о немъ Іезуитъ Ячинскій „Закоренѣлый раскольникъ“) видя, какъ латинство раскидывало свои сѣти и предчувствуя неблагопріятныя результаты для православія, отецъ Демьянъ завѣщалъ предъ смертю похоронить себя „въ церкви, въ полѣ“, говоря: „не хочу, чтобы и кости мои сближались когда либо, съ латинскою Церковью.“

Въ Богоявленской же церкви, какъ говорять народные преданія вѣничался (т. е. бракосочетался), Дмитрій Самозванецъ съ Мариою Мнишекъ.

Стиль Богоявленской церкви полувизантійскій, полуготическій; особенность же ея постройки заключается въ томъ, что одна стѣна ея, обращенная къ городу, сдѣлана въ родѣ крѣпостной, съ амбразурами и бойницами, замѣнявшими крѣпостную стѣну. Фундаментъ церкви каменный, стѣны изъ превосходнаго кирпича, наличники оконъ и украшенія изъ тесаннаго камня.

Хотя Домбровскій и говорить, что между дворцомъ и Богоявленской Церковью существуетъ подземный ходъ, но это вовсе невѣроятно, потому что въ такомъ ходѣ не было никакой надобности, ибо между дворцомъ и церковью разстоянія только на 19 сажень.

Но несомнѣнно то, что подобные ходы существовали, какъ предосторожность необходимая, въ тѣ времена междуусобій и удѣльной вражды. Слѣдъ одного изъ такихъ тайниковъ виденъ и теперь близъ Богоявленского Храма.

Въ старину, на этой церкви было пять куполовъ, но они всѣ развалились; стѣны же всѣ цѣлы, несмотря на то, что болѣе 200 лѣтъ Богоявленскій Храмъ стоять въ запустѣніи, безъ крыши, безъ наблюденія; изъ шести пилоновъ, одинъ, или похищенъ жидами, или по-

Въ одной довольно любопытной брошюрѣ „Nowe Ateny“, въ которой гдѣ и мѣсто издания неозначені,- сказано, что «ради необыкновенного упорства въ схизмѣ, священники Богоявленской Церкви преданы были проклятию, и изгнанію, а сама церковь оставлена совамъ и воробьямъ въ жилище» (Домбровскій).

даренъ кому нибудь настоящимъ владѣльцемъ Острога.

Этотъ прекрасный памятникъ древняго зодчества (въ которомъ нѣсколько времени опочивалъ великий князь Василій Феодоровичъ, перенесенный въ послѣдствіи знаменитымъ внукомъ своимъ Константиномъ, въ пещерскую обитель), по ходатайству нынѣшняго главнаго начальника Юго-западнаго края, генераль адъютанта Александра Павловича Безака, въ скоромъ времени будетъ возобновленъ въ первобытномъ величиі.

Въ этомъ же храмѣ былъ похороненъ на нѣкоторое время и великий Князь Острожскій, Александръ Константиновичъ(*) твердо оставшійся вѣрнымъ православію, не смотря на безотвязныя мольбы жены его дочери сен-домирскаго воевода Костки.

Существуетъ также преданіе о когда-то существовавшемъ красивомъ деревянномъ мостѣ, (**) пролегавшемъ отъ княжескаго замка къ городу, по которому князья Острожскіе проѣзжали въ свой замокъ, а православные острожане приходили молиться въ храмъ Богоявленія.

Преданіе это приведенное въ „Кіевлянинѣ“ 1840 г. Г. В. Домбровскимъ, повѣтствуетъ такъ:

Дочь князя Александра Константиновича, княжна Анна-Алоизія, бывшая не долгое время въ супружествѣ съ извѣстнымъ польскимъ гетманомъ Ходкевичемъ, умершемъ подъ Хотиномъ, „добрая, но слабодушная, ходившая во власяницѣ и босикомъ“, такъ же построившая одну Православную церковь въ Острогѣ, но совращенная на конецъ гощанскими іезуитами въ католицизмъ, предприняла тайно перевезти прахъ своего отца, въ самый день свѣтлого Христова Воскресенія (1636 г.) въ устроенный ею іезуитскій кляшторъ. ***

Но какъ ни тайно было сдѣлано приказаніе о перенесеніи останковъ благовѣрнаго князя изъ православной церкви въ Латинскій кляшторъ, какъ ни распространяли іезуиты молву, что будто бы князь Александръ Острожскій согла-

* У Максимовича говорится, что князь Константина Константиновича Острожскаго скончался въ 1608 году 13 Февраля въ Субботу Феодоровской недѣли на 82 году жизни, погребенъ въ Острогѣ въ замковой Богоявленской церкви возлѣ своего младшаго сына Александра.

** Опь существовала еще въ 1822 г., а вѣроятно и нѣсколько далѣе этого года. *Новицкій*.

*** Максимовичъ же приводитъ слѣдующее извѣстіе изъ львовской лѣтописи: «Въ томъ же року, на свята Великодніи, зъ недѣли на понедѣлокъ, у Острогу, пани воеводина дочка княжны Ярославской, пошедшій до замку, казала себѣ гробъ отворити, и добывши склепу, гдѣ лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое юже было згнило, тылько кости; которыхъ взявшіи, казала ихъ помыты, и посыпавши іезуитомъ, и отвезти до Ярославля до матки своей, и казала провадити изъ церкви, куды русь звѣкла, нѣ намѣть звѣтвства Христа Спасителя нашего, съ крестами, съ корогвами тріумфъ коло церкви отправовать а бы съ того напасть на Русь учимы; и такъ учимиши много зла, Христіаству».

сился соединиться предъ смертю съ Римскою церковю, православное народонаселеніе г. Острога ничему не вѣрило и негодовало на поступокъ Анны-Алоизіи, видя въ немъ поруганіе святыни и читаго имъ праха любимаго своего князя; и это негодованіе выражалось грозно и торжественно!

„На разсвѣтъ свѣтлого дня Воскресенія (говорить г. Домбровскій) народъ Острожскій, по вѣковому обычю толпился на мосту у замка, вблизи храма. Тутъ лежали грудами пасхи, тамъ кучи вращенныхъ лицъ, для всенароднаго посвященія и привѣта. Всякій ожидалъ благодатнаго возгласа „Христосъ Воскресе;“ но тутъ же слышенъ былъ порою и громкій ропотъ народа недовольнаго поступкомъ княжны.

Въ это время Анна-Алоизія возвращалась изъ іезуитскаго костела. Ей надобно было ѿхать чрезъ мостъ.

Народъ заступилъ княжнѣ дорогу и, на приказаніе слугъ посторониться съ пасхами, толпа мѣщанъ отвѣствовала явною ослушностію. Княжна въ пылу гнѣва, приказала кучеру ударить по лошадямъ и промчаться сквозь буйную толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ; но народъ едва не сбросилъ ее въ оврагъ и закидалъ ее вращенными яйцами. Отбившись съ помощью слугъ, княжна (съ подбитымъ глазомъ) съ трудомъ могла отбиться отъ разъяренной черни, которая вломилась было за нею въ

самый замокъ, и только ружейными выстрелами слугъ могла быть удержана. Анна-Алоизія принесла жалобу на своихъ подданныхъ, которые мстили ей за притѣсненія, и любельскій трибуналъ осудилъ многихъ острожскихъ гражданъ на мучительную казнь. Когда уже прочтень быль, на площади, грозный *вырокъ* трибунала и осужденные ожидали вѣрной смерти, княжна Анна-Алоизія объявила всѣмъ пощаду. Она довольна была уже тѣмъ, что тотъ же трибуналъ, обрекъ сорокъ православныхъ священниковъ въ изгнанію изъ Острога.

Лишенніе пастырей, бѣдные жители Острога, по неволѣ должны были разставаться съ своею древнею вѣрою предковъ.

Православіе было попрано!...

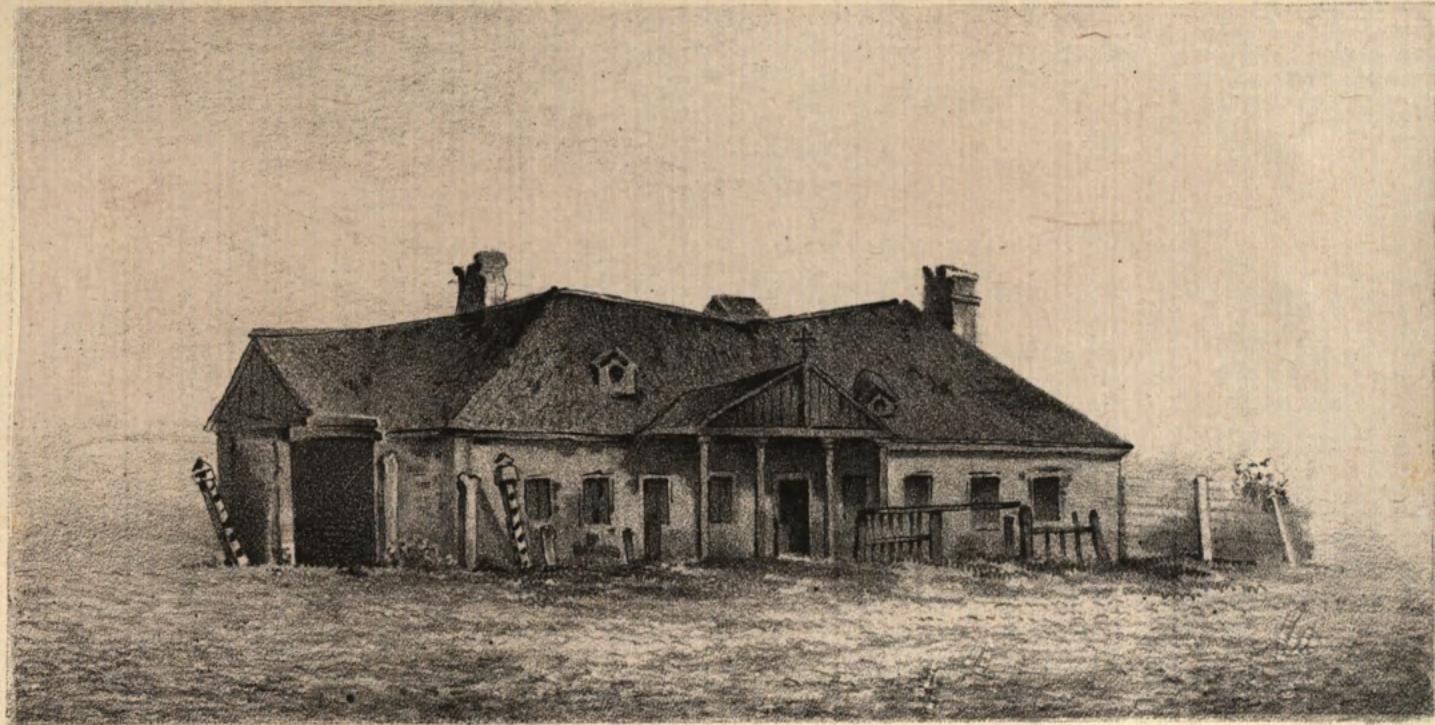
Со временемъ княжны Анны-Алоизіи, т. е. съ первой половины XVII столѣтія, католицизмъ получиль въ Острогѣ рѣшительное преобладаніе, и съ этого времени продолжается уничтоженіе православныхъ церквей, начатое еще при князѣ Янушѣ, внуку Константина Константиновича, который первый, отложившись отъ православія, началъ строить костелы и изгонять православныхъ священниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Лит. Н. В. Долгорукової у Воснес. места даин Кимира. № 31.

**Башня близъ церкви Богоявленіѧ
въ г. Острогѣ.**

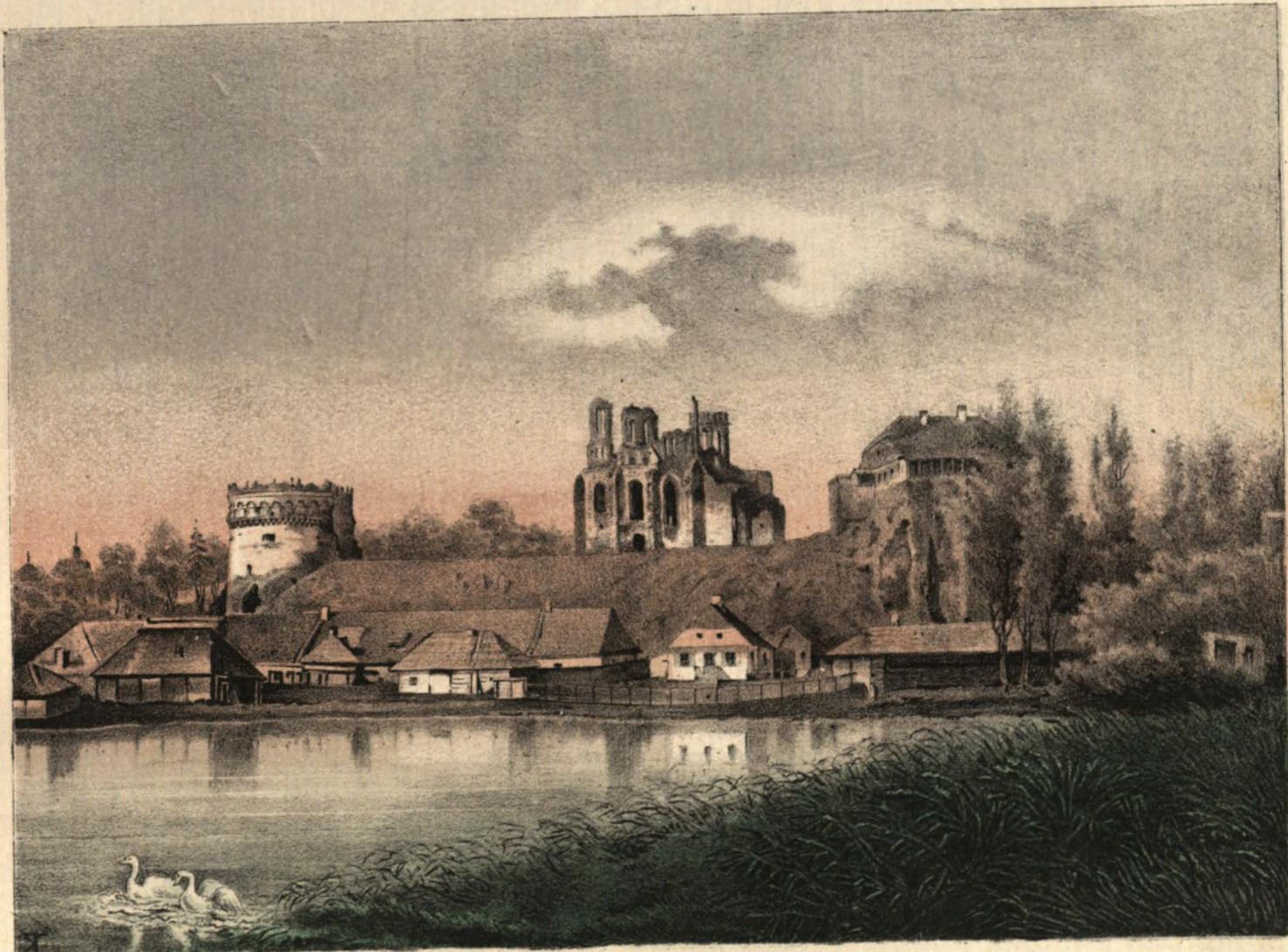

Пожъщение Православнаго собора въ г. Житомирѣ до 1858г.

Лит. Н. В. Долгоруковоу у Венес. писма Гайд. Кимпера. Ивар. № 31.

Католическій соборъ въ г. Житомирѣ.

Лит. Н. В. Долгоруковою, у Вознес. люстру, : Кимпера, юбър. 1735

Общій видъ Замковой горы
въ г. ОСТРОГѢ.

Алб. Н. В. Даниловской у Вознесенского моста в г. Чернигове. № 31.

Енди храма Богонасленіж из южной стороны
въ г. Острогѣ.